

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.2.21-29

Сулаев И.Х.

Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859–1925)

Аннотация. Опираясь на опубликованные труды разных лет, мемуары участников революции и Гражданской войны, архивные документы, в настоящей статье мы попытаемся дать анализ общественно-политических и социальных взглядов одного из авторитетных религиозных и общественных деятелей Северного Кавказа и Дагестана первой четверти XX века – муфтия-имама Нажмуддина Гоцинского. Нажмуддин Гоцинский – известнейший политический деятель и духовный лидер, председатель Духовного совета Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. Один из лидеров контрреволюционного движения в Дагестане в 1917–1921 гг. Анализ его взглядов и представлений произведён на основе ключевых выступлений, проповедей и воззваний 1917–1918 гг. На основании изученных материалов автор делает вывод о том, что общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского отражали все противоречия революционной эпохи и трагедию Гражданской войны.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестанская область, муфтий, имам, ислам, революция, Гражданская война

Imanutdin Kh. Sulaev

Social and Political Views of Nazhmuddin Gotsinsky (1859–1925)

Abstract. The author tries to analyze the socio-political views of one of the authoritative religious and public figures of the North Caucasus and Dagestan in the first quarter of the 20th century – a mufti-imam Nazhmuddin Gotsinsky, basing on the published works of different years, memoirs of the participants in the revolution and the Civil War, archival documents. Nazhmuddin Gotsinsky is a famous politician and spiritual leader, chairman of the Spiritual Council of the Union of United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan. He was one of the leaders of the counter-revolutionary movement in Dagestan in 1917–1921. The author analyzes the views of N. Gotsinsky through his key speeches, sermons and proclamations of 1917–1918. On the basis of the studied materials the author draws a conclusion that social and political and social views of Nazhmuddin Gotsinsky reflected all contradictions of the revolutionary period and tragedy of the Civil war.

Key words: North Caucasus, Dagestan region, mufti, imam, Islam, revolution, Civil war

Сулаев Иманутдин Хабибович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета Дагестанского государственного университета; 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; www.sigab.ru@yandex.ru

Imanutdin Kh. Sulaev – Doctor of History, Professor at the Department of National History of the Faculty of History, Dagestan State University; 43a M. Gadzhiev str., Makhachkala, the Republic of Dagestan, 367000; www.sigab.ru@yandex.ru

Среди мусульманских религиозных деятелей и учёных-алимов Северного Кавказа и Дагестана конца XIX – первой четверти XX в. Нажмуддин Гоцинский занимает особое место. Он родился в состоятельной семье. С детства обучался в традиционной для своего поколения мусульманской школе – мектебе (начальная школа), а потом и в разных медресе. Таким образом, Нажмуддин получил блестящее по тем временам образование и стал признанным учёным-богословом и знатоком шариата. Он писал прекрасные стихи, которые пользовались популярностью и передавались из уст в уста. Хотя в советской исторической литературе о Гоцинском писали преимущественно негативно, в том числе и как о «богатом помещике и овцеводе» [Эмиров, 1949, 11], в преданиях некоторых чеченских и дагестанских обществ его помнят – ведь сироты получали от него ягнят или овец в виде милостыни (саадака). Гоцинский строго отчитывал сельских мулл, если закят распределялся не по назначению [Мухтаров, 1999, 18].

На формирование Гоцинского как крупного религиозного и общественно-политического деятеля безусловно оказала влияние революционная эпоха. Участие Российской империи в Первой мировой войне привело к Февральской революции 1917 г. и свержению царского самодержавия, а потом к Октябрьскому перевороту большевиков и братоубийственной гражданской войне 1918–1921 гг.

Н. Гоцинский появился на политической сцене Северного Кавказа и Дагестана в ходе революций 1917 года, он активно призывал мусульман бороться с большевиками. В 1918–1921 гг. возглавил антисоветское восстание в Дагестане и Чечне, а в 1925 году был расстрелян как враг Советской власти.

Используя опубликованные в разные годы научные труды исследователей, мемуары участников революции и Гражданской войны, а также архивные документы, в настоящей статье мы проанализируем его общественно-политические и социальные взгляды. Проповеди, обращения и воззвания Н. Гоцинского, с которыми он выступал в различные годы (мы в основном делаем упор на тех, которые были прочитаны в 1917–1918 гг.), представляют собой целые философские трактаты о революционных событиях, гражданской войне и человеческом бытии.

В советской исторической и справочной литературе утвердилось пристрастное толкование всего, что связано с личностью и взглядами Гоцинского. Но в действительности он рассматривал Февральскую революцию 1917 г. в России как прогрессивное событие, о чём не раз заявлял в прессе и представительных органах. При старом режиме его не раз уличали в антицарских проповедях и называли действительным защитником ислама и народа [Тахо-Годи, 1927, 51].

Первое общественное признание к Нажмуддину Гоцинскому пришло в мае 1917 г., когда на I съезде горцев Северного Кавказа и Дагестана, который проходил в столице Терской области городе Владикавказе, его провозгласили муфтием вновь учреждённого Кавказского духовного правления [Какагаганов, 1994, 39]. Ему как муфтию пришлось с нуля формировать новое Кавказское духовное правление, куда должны были войти авторитетные духовные лица от всех субъектов самопровозглашённого Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (с мая 1918 г. – Горская Республика). Кавказское духовное правление, переименованное вскоре в Главное Шариатское ведомство, до конца так и не было укомплектовано. Тому помешало начало Гражданской войны и переезд Горского правительства в столицу Дагестанской области город Темир-Хан-Шуру.

Вскоре в Нагорном Дагестане не без его вмешательства и агитации началось движение за возрождение имамата Шамиля. По мнению М. Джафарова – современника Гоцинского, хорошо знакомого с ним, – с детства он мечтал стать имамом и в поступках хотел быть похожим на него [Джафаров, Ф. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 1]. За годы революции и Гражданской войны его объявляли имамом как минимум трижды (в августе 1917 года на съезде горцев в высокогорном ауле Анди Андийского округа, в январе 1918 г. в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре, в октябре 1920 г. в Нагорном Дагестане) [Хромов, 1983, 156]. Объявление Н. Гоцинского имамом раскололо дагестанское общество – у него было много противников как среди светской, так и среди духовной интеллигенции почти во всех округах. Чтобы внести ясность в институт духовного главы и успокоить общественность, Дагестанский областной

исполком 29 октября 1917 г. дополнительно через газеты вынужден был объявить своё решение именовать Гоцинского муфтием. Тем не менее, часть дагестанского общества признавала Гоцинского имамом, хотя официальная власть утвердила его муфтием. Такое же двойное отношение к нему было и у части мусульманского духовенства Северного Кавказа и Дагестана [ЦГА РД, Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 62. Л. 32 об].

Как духовный глава мусульман Северного Кавказа и Дагестана Нажмуддин Гоцинский активно реагировал на постановления, которые принимали властные структуры, возникшие в годы революции и Гражданской войны. Как известно, 12 мая 1917 г. Особый Закавказский комитет вынес постановление о разоружении населения Закавказья. Чуть позже это решение органы власти Временного правительства потребовали распространить и на горцев Дагестана. По этому поводу 26 июня 1917 г. Дагестанский Областной исполнительный комитет созвал заседание, где выступили известные общественные деятели. Свою позицию по данному вопросу высказал и муфтий. В своём выступлении на заседании муфтий (его официальная должность) Северного Кавказа и Дагестана Н. Гоцинский заявил, что даже царское правительство, при всей оппозиционности дагестанцев, оставило за ними оружие, подтвердив это законодательными актами и обещаниями народу. «В дни революции странно слышать то, – продолжал Гоцинский, – что представители новой, революционной власти хотят отнять это священное право у горцев. Оружие им нужно исключительно только для защиты революционных свобод» [ЦГА РД, Ф. 8 п. Оп. 3. Д. 61. Л. 23 об].

Он отверг надуманные обвинения в адрес горцев, будто они стремятся выступить на стороне Турции против России. Н. Гоцинский заявил: «Откуда может явиться подозрение, что дагестанцы хотят помочь Турции? – Ведь горцы хорошо знают, что это за страна: даже в момент своей могущественности ничего для них не сделала, что могло бы завоевать симпатии горцев. Они хорошо знают цену Турции. Только люди, не имеющие представления о нуждах кавказских народов, могут так превратно думать о стремлениях горцев» [ЦГА РД, Ф. 8 п. Оп. 3. Д. 61. Л. 23 об]. Побывав не раз в Турции, не понаслышке зная политическую ситуацию в этом государстве, он в то же время неплохо разбирался в отношениях между Российской и Турецкой империями. Н. Гоцинский ясно понимал, что правители Турции всегда руководствовались чисто политическими расчётами, а отнюдь не желанием помочь единоверцам и тем более укрепить среди них ислам и распространить шариат.

Февральская революция дала народам бывшей империи не только политическую свободу. Страну одновременно захлестнул разгул анархии и грабежей. Всё это имело место и в Дагестанской области. В условиях нарастающей анархии десятки обществ на сходах всё чаще выносили решение о введении шариата как основы правопорядка. В письме в газету «Джаридат Дагестан» от 15 июня 1917 г. Н. Гоцинский подтверждает факт обращения к нему ряда обществ Нагорного Дагестана с требованиями о введении шариата по всем вопросам [Суслаев, 2004, 19]. По мнению советского исследователя Н.П. Эмирова, именно Гоцинский мобилизовал «все помещичье-кулацкие элементы Дагестана на борьбу за установление шариатского управления в Дагестане» [Эмиров, 1949, 11]. Под давлением общественности по данному вопросу Дагестанский Областной исполком вынужден был осенью 1917 года провести референдум. Референдум выявил разброс мнений десятков и сотен дагестанских обществ. Если, например, некоторые общества Нагорного Дагестана высказались за введение шариатского правосудия по всем вопросам, то общества Южного, частично Предгорного и Плоскостного Дагестана выступали за сочетание в правосудии адатов и шариата. Некоторые исследователи считают, что референдум был проведён осенью 1917 года под влиянием обращения Н. Гоцинского «К народам Кавказа» [Кашкаев, 1972, 45].

Одним из ключевых документов духовного главы мусульман Северного Кавказа и Дагестана стало его «Послание к муллам и прихожанам Северо-Кавказского муфтиата» от 4 ноября 1917 г. В этом послании был охвачен широкий круг вопросов: соблюдение мусульманами обрядов ислама, надзор за которыми должны были осуществлять местные муллы, борьба с преступностью, необходимость «применения правил шариата» в отношении воров и преступников и т. д. Муфтий в послании

признавал органом власти Центральный комитет Союза горцев Кавказа, т.к. его цели – «поднять политический и культурный уровень наших народов и отстаивать их права в настоящее время, когда различные опасности угрожают даже самому существованию наших народов» – не противоречили правилам шариата. Далее в послании муфтия величайшим злом, подрывающим покой и благосостояние народов, была объявлена преступность. Муфтий предлагал сельским обществам немедленно избрать из своей среды богобоязненных лиц, которые будут проводить в жизнь все правила шариата и бороться с ворами, разбойниками и убийцами. Всем представителям светской власти вменялось в обязанность оказывать содействие духовенству. В противном случае, говорилось в обращении, они будут отстранены от должностей, как недостойные своих должностей и званий. Ради облегчения борьбы с преступностью Н. Гоцинский обязал сельские общества создать у себя добровольческую милицию [СОГ СК и Д, 76–77].

Вскоре Гоцинский заявил о том, что всеми силами будет бороться против тех, кто «будет поносить святой шариат» и мешать проводить в жизнь шариатские решения [ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 4. Л. 5]. Он обещал применять против преступников и воров шариатские меры, вплоть до смертной казни и отрезания рук. Как пишет современник и участник описываемых революционных событий и Гражданской войны М.-К. Дибиров, для пресечения воровства и грабежей Гоцинский всенародно бил палками попавшихся в грабеже и сажал их в тюрьму, широко использовал публичные телесные наказания [Дибиров, 1997, 57]. Муфтий призывал горцев соблюдать каждую букву в шариате, если они считают себя мусульманами.

Муфтий Дагестана и Северного Кавказа старался быть в курсе происходящих на территории Союза горцев Кавказа событий, а в своих проповедях и воззваниях заявлял, что готов защищать интересы народа, возмущался тем, что люди неразборчивы, они «выбирают на ответственные посты порочных взяточников и развратников, не уважающих ни порядок, ни шариат и религию» [ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 4. Л. 15].

К заслугам муфтия Гоцинского можно отнести создание за короткое время (с осени 1917 по весну 1918 г.) в десятках дагестанских и чеченских обществах шариатских судов. Этому способствовало разработанное при нём Духовным правлением «Положение» о процедуре их создания и функционирования. «Положение» обязывало создавать шариатские суды из числа наиболее грамотных алимов в каждом горском ауле и окружных центрах. Общественные кадрии на местах избирались согласно шариату [Сулаев, 2004, 13].

Муфтий и имам Н. Гоцинский по необходимости ездил в разные субъекты Союза горцев Кавказа и по округам Дагестанской области для разрешения какого-либо вопроса или встречи с обществами. Так, по приглашению чеченской делегации в ноябре 1917 г. Н. Гоцинский ездил в Чечню для введения там шариатского управления и противодействия бесчинствам и грабежам [ЦГА РД. Ф. Р-614. Оп. 1. Д. 4. Л. 4]. Муфтий Гоцинский прибыл в Гудермес 5 ноября 1917 г. Чеченцы устроили ему пышную встречу. На встречу с ним собралось не менее трёх тысяч человек. Выступая перед ними, муфтий обрисовал политическое положение в стране и на Северном Кавказе в целом, указав на необходимость встать на стражу революции и благосвободы. Он сурово клеймил грабежи и насилия, принявшие за последнее время массовый характер. Особо муфтий предостерег мусульман, посягавших «на имущество русского или казака», и подобных грабителей обещал подвергнуть смертной казни, а убитых грабителей и разбойников запретил хоронить по мусульманским традициям. Примечательно, что Гоцинский призывал «в это тревожное время не нарушать мирные отношения с соседями» и таковых нарушителей требовал наказывать по шариату. Муфтий дал поручение наиболее уважаемым чеченским муллам и шейхам устроить шариатские суды и создать отряды милиции для «восстановления прочного порядка». В своём выступлении Гоцинский убедительно и горячо говорил о значении интеллигенции, о роли Центрального Комитета Союза Объединённых горцев, который был «призван руководить политической жизнью горцев» [СОГ СК и Д, 85–86]. Пребывание Гоцинского в Чечне было недолгим, и усмирить соседний регион, охваченный анархией и борьбой политических группировок, ему не удалось.

В Дагестане большевистские идеи ликвидации частной собственности и обобществления средств производства, отделения церкви от государства и школы от церкви, вопрос о власти и т. п. не могли тогда рассматриваться иначе как по шариату.

В условиях противостояния Дагестанский областной исполком и Областной Совет несколько раз обсуждали и вопрос о борьбе с анархией и грабежами. На одном из заседаний Областного исполкома не позднее декабря 1917 г. Н. Гоцинский выступил с заявлением, в котором изложил свою позицию по текущей ситуации: «Приняв на себя ответственное звание, я всеми силами был готов направить дело к объединению населения на основе святой свободы и независимости страны, к искоренению всего опустошительного и к водворению порядка и единодушия в населении. Но я встретил упорное сопротивление к сему со стороны социальной партии (Гоцинский имеет в виду дагестанскую социалистическую группу. – И.С.), которая подпольными ухищрениями сеет раздор и не даёт мне развернуться» [РГАСПИ, Ф. 71. Оп. 33. Д. 682. Л. 28 об]. По мнению Гоцинского, дагестанские социалисты, имея крепкие связи с народом и раздавая оружие своим сторонникам вопреки решениям Областного Совета и Областного исполкома, способствуют конфронтации. Он утверждал, что именно их позиция в дальнейшем и привела в Дагестане к анархии, борьбе между противоборствующими группировками [РГАСПИ, Ф. 71. Оп. 33. Д. 682. Л. 28 об].

Анализ различных источников показывает, что муфтий Н. Гоцинский не боялся своих политических оппонентов и готов был на откровенный разговор с целью прекращения противостояния в Дагестане. В то же время о Гоцинском по Дагестану распространялись самые нелепые слухи, например о том, что он является противником светской интеллигенции и революционной свободы. В дальнейшем советская историография подхватила этот тезис. Так, известный исследователь революции и гражданской войны Б.О. Кашкаев прямо называет его врагом революции, разжигающим ненависть к немусульманским народам и национальную нетерпимость к иноверцам [Кашкаев, 1976, 204]. Между тем недопущение межнациональных столкновений в годы революции и Гражданской войны – это во многом заслуга духовных вождей мусульман Дагестанской области. В своих проповедях и воззваниях Гоцинский призывал к мирной жизни с русскими и казаками. В частности, накануне Андийского съезда в августе 1917 г. он призывал чеченцев уважать русского солдата как борца за свободу всех народностей России [Доного Хаджи Мурад, 2005, 118], а на II съезде представителей окружных исполкомов, который проходил 23 ноября 1918 г. в столице Дагестанской области городе Темир-Хан-Шуре, призвал мусульман Дагестана жить в дружбе и союзе с казаками [Магомедов, 1965, 118].

Для мобилизации своих сторонников Н. Гоцинский в проповедях и воззваниях делал упор прежде всего на религиозные чувства мусульман. Вопросу, как себя называть – имамом или муфтием, он не придавал особого значения. На обвинения своих политических и религиозных оппонентов в том, будто он силой оружия стремился к власти, Гоцинский выступил с «Обращением ко всем кавказским народам» и опроверг их следующим образом: «Народные представители Дагестана, Чечни, Черкесии и других областей Северного Кавказа, алимь и другие умные люди, собравшись, меня избрали главой шариата... Я слышу, что клеветники и враги шариата говорят, будто я силой хочу взять на себя имамство». Он отверг эти обвинения как ложные и отметил, что его хотели назвать не только имамом, но и шейх-уль-исламом или муфтием. Это было сделано, чтобы мусульмане и христиане, не знакомые с ситуацией и положением дела на Северном Кавказе, не подумали, будто с его избранием на высокий пост нарушаются мирные отношения между мусульманами и христианами. «Главная цель этого, – продолжал Гоцинский, – установить ещё более тесные взаимоотношения между нашими и русским народами, устранить всякую возможность к беспорядкам и столкновениям между ними... Если будем говорить о том, как меня назвать, то моё лучшее название, которое я хотел бы себе присвоить, это пастух...»¹.

Муфтий призывал мусульман не только объединиться, но и не причинять вреда и ущерба иноверцам – грузинам, русским, евреям – и уважать соседские отношения с ними. Ради введения шариата Гоцинский выражал готовность пожертвовать

своей жизнью, имуществом и благополучием семьи. Что касается духовного главенства, он в обращении просил поддержки у различных социальных слоёв населения: алимов просил помочь знаниями, шейхов – молитвами и советами, разумных людей – умом, богатых – имуществом, смелых – храбростью, докторов – медициной, инженеров – техникой и науками [Исаев, 2006, 53–54]. Отвергая обвинения в том, что он сосредоточил всю полноту власти в своих руках, муфтий говорил о готовности уступить такую тяжёлую и ответственную работу, как служба шариату и народу, любому из желающих алимов. Ради избавления себя от тяжкого бремени он готов уступить этому человеку духовную власть и «заплатить в придачу 10 тысяч рублей» [Дибиров, 1997, 33]. По мнению его современника и оппонента из числа социалистов А. Тахо-Годи, воззвания Гоцинского – чрезвычайно интересные исторические документы с известной политической платформой, тактикой и стратегией жизни и борьбы за жизнь. Язык воззваний Нажмуддина Гоцинского для горцев был убедителен, понятен и сильно действовал на их воображение [Исаев, 2006, 52].

В полемике с главными оппонентами-социалистами Гоцинский уверял, что стремится согласовать демократию и шариат [РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 53. Л. 20]. 14 января 1918 г. на совместном заседании 3-го съезда дагестанских представителей и Областного Совета Н. Гоцинский выступил с двухчасовой речью. Он, в частности, отметил, что организованные по его инициативе горские вооружённые формирования призваны охранять спокойствие и порядок в крае. «...Я член Областного Совета и готов работать совместно и продуктивно, – заявил он. – Никогда не выступал и не выступлю против законных властей» [ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 62. Л. 51]. Гоцинскому пришлось не раз опровергать утверждения своих оппонентов и противников о том, будто представители духовенства, в том числе и он сам, являются противниками европейски образованной интеллигенции. Он прямо подчеркнул необходимость и значение светских наук. В отчёте съезда отмечено, что за эти слова Гоцинскому долго аплодировали [ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 62. Л. 51].

В январе 1918 г. учёные-богословы Дагестана обсудили вопрос о введении института имамства в Дагестане. Крупные учёные Али Каяев и Абусупьян Казанищенский, поддержанные некоторыми другими алимами, выступили против имамства. Али Каяев по просьбе социалистов М. Дахадаева и Д. Коркмасова даже писал прокламации против муфтия-имам Гоцинского [Меджилов, Абдуллаев, Каяев, 1993, 298–299]. В ответном послании в стихах Н. Гоцинский высмеял доводы алима и упрекнул его в приверженности большевизму и его поддержке. Эти стихи Гоцинский написал экспромтом, что лишний раз подтверждает его незаурядные и разносторонние способности.

Ради достижения своих целей в годы революции и Гражданской войны противоборствующие политические силы применяли различные методы борьбы. Дагестанские социалисты М. Дахадаев, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи и их соратники, например, умело использовали то обстоятельство, что муфтий-имам Гоцинский был очень богатым (в его собственности находилось до 12 тысяч баранты и много кутанов и пастбищ, доставшихся от отца) и имел влияние не во всех округах Дагестана. Особенно популярен он был в Нагорном Дагестане и Чечне. Зачастую авторитет муфтия-имам Гоцинского как главы Духовного управления зависел от позиции, которую занимали местные алимы, шейхи, кадии и муллы. В условиях обостряющейся социально-классовой, национально-освободительной и религиозной борьбы не последнюю роль играло социальное положение облечённых духовной или светской властью людей. Судьба отца Н. Гоцинского и социальное происхождение отталкивали от него определённую часть дагестанского общества. Тому немало способствовали агитация социалистов-большевиков и проповеди отдельных духовных лиц [Абдуллаев, 1987, 51–53]. На обвинения оппонентов в том, будто он защищает именно своё богатство, а не чьи-либо интересы, Гоцинский отвечал, что у него действительно есть много земель, которые перешли к нему согласно шариату от отца. «Мой отец эти земли не взял ни у кого силой, а купил их у мусульман, имевших на руках законные документы. Если есть человек, желающий оспаривать эти земли, пусть придёт с нужными документами, и согласно шариату я ему их верну» [Исаев, 2006, 65].

В пробольшевистской прессе муфтия-имамы называли защитником князей, беков и даже объявили эмиссаром (шпионом) Турции [Кашкаев, 1976, 23]. «До меня дошли слухи, будто я сторонник князей из-за своих земель. Как они могут так говорить, – возмущался Гоцинский, – когда эти земельные вопросы я разбираю по шариату, как и другие дела. Если есть князья, владеющие землями противно шариату, то я первый обнажу свой клинок против них. Я противник людей, будь из князей или узденей, которые идут против шариата. В земельные дела я не хочу вмешиваться. Эти дела я передал на рассмотрение съезда алимов, куда приглашены учёные из Бухары, Казани, Крыма, Турции. Все мусульмане должны подчиняться постановлениям этого съезда» [Абдуллаев, 1987, 53].

Для одних он был кичливым, гордым барановодом, для других – авторитетным алимом, знатоком шариата и арабо-мусульманской культуры, высокоинтеллектуальным человеком и хорошим оратором. Не последнюю роль в том, что Н. Гоцинский не имел поддержки духовенства, сыграло и то, что он не являлся шейхом и не принадлежал ни к одному суфийскому братству, которые к этому времени заняли прочные позиции на Северном Кавказе и в Дагестане.

«Обращение к мусульманам, богатым и бедным, учёным и неучёным, честным и порочным» Н. Гоцинского было своего рода исповедью перед мусульманами и размышлениями по текущему моменту. Муфтий в обращении заявил, что обучение светским и духовным наукам стало его призванием, что он обучал многих других алимов, не получая при этом платы. В своей жизни Гоцинский занимался преимущественно духовными делами, но никак не накопительством богатств, и боролся со всеми, кто притеснял народ, за что его называли защитником ислама [Сулаев, 1995, 5]. По поводу революции и открывшихся перед человеком возможностей муфтий пишет следующее: «Когда на политическом горизонте взошло солнце, люди в понятиях о свободе разделились. Одни из них захотели свободу, согласованную с шариатом. Эта свобода освобождает последователей пророка Магомета от тиранической власти, препятствовавшей им соблюдать большинство шариатских постановлений, но не освобождает (шариат и хурият) божьих рабов от выполнения возложенных на них божьим законом обязанностей... Это партия шариатской свободы, она всё измеряет с точки зрения Корана...» [Исаев, 2006, 64]. Как следует из обращения, по мнению Гоцинского революция освободила горцев от тирании царской власти, но не от выполнения мусульманами требований Корана и шариата. «Но есть ещё другая партия среди народа, – продолжает Нажмуддин, – эта партия свободу понимает, как социалистическую свободу. Эта последняя свобода, освобождая народ от тирании царской власти, освобождает и от божьей власти и её требований... При таких обстоятельствах каждый умный человек поразмыслит, кто является отступником от шариата – алимы или социалисты» [Исаев, 2006, 64].

Весной 1919 г. воинские части Добровольческой армии Деникина заняли территорию Горской Республики, в том числе и Дагестана, но Н. Гоцинский, лучше разбирающийся в российской политической конъюнктуре и яростно противящийся большевикам и Советской власти, считал большевиков большей угрозой для мусульман, чем деникинцев, поэтому занял нейтральную позицию и не предпринимал никаких активных действий против последних. Его современник и оппонент из числа крупных алимов Али Каев считал, что Гоцинский пошёл на сговор с деникинцами ради сохранения религии [ЦГА РД. Ф. 8-п. Оп. 4. Д. 25. Л. 4].

Таким образом, общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского как крупного мусульманского учёного-богослова и общественно-политического деятеля первой четверти XX в., волей судеб возглавившего Кавказское Духовное правление в звании муфтия, объявленного несколько раз имамом, отражали все противоречия революционной эпохи и трагедию Гражданской войны в нашей стране.

Библиографический список

1. Абдуллаев, М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. / М.А. Абдуллаев. – М., 1987. – 326 с.

2. Выписки из работ неизвестного автора мемуарного характера с описанием событий гражданской войны и интервенции в Дагестане // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 53. Л. 20.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / под ред. С.С. Хромова. – М., 1983. – 703 с.
4. Джафаров, М. Рассказы об эпизодах гражданской войны в Дагестане, записанные бывшим полковником Джафаровым / М. Джафаров // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.
5. Дибиров, М.-К. История революции и гражданской войны в Дагестане / М.К. Дибиров / под ред. А.-Г.С. Гаджиева и Д.А. Дахдуева. – Махачкала, 1997. – 134 с.
6. Доного Хаджи Мурад. «Слово о Нажмуддине Гоцинском» / Доного Хаджи Мурад // Ахульго. – 1999. – № 3. – С. 4–6.
7. Доного Хаджи Мурад. Нажмуддин Гоцинский: Общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века / Доного Хаджи Мурад. – Махачкала, 2005. – 397 с.
8. Исаев, А.А. Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Ч. 1 / А.А. Исаев. – Махачкала, 2006. – 348 с.
9. Кашкаев, Б.О. Гражданская война в Дагестане 1918–1920 гг. / Б.О. Кашкаев. – М., 1976. – 294 с.
10. Кашкаев, Б.О. От Февраля к Октябрю / Б.О. Кашкаев. – М., 1972. – 365 с.
11. Магомедов, Ш.М. Октябрь на Тереке и в Дагестане / Ш.М. Магомедов. – Махачкала, 1965. – 223 с.
12. Меджидов, Ю.В. Али Каяев. Очерк жизни и творчества / Ю.В. Меджидов, М.А. Абдуллаев. – Махачкала, 1993. – 416 с.
13. Мухтаров, У. Предания о Нажмуддине Гоцинском в Чечне / У. Мухтаров // Ахульго. 1999, ноябрь. – № 3. – С. 18.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 33. Д. 682. Л. 28 об.
15. Союз Объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев, С.Ч. Асильдаров и др. – Махачкала. 1994. – 439 с.
16. Сулаев, И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество / И.Х. Сулаев. – Махачкала, 2004. – 185 с.
17. Сулаев, И.Х. Муфтий Дагестана Нажмуддин Гоцинский / И.Х. Сулаев // Молодёжь Дагестана. – 1995. – 24–30 марта. – № 12.
18. Сулаев, И.Х. Штрихи к портрету Нажмуддина Гоцинского / И.Х. Сулаев // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 1998. – Вып. 3. – С. 25–29.
19. Тахо-Годи, А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане / А.А. Тахо-Годи. – Махачкала, 1927. – 246 с.
20. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 62. Л. 32 об., 51.
21. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 4. Д. 25. Л. 4.
22. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. р-614. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 5, 15.
23. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 61. Л. 23 об.
24. Эмиров, Н.П. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами / Н.П. Эмиров. – М., 1949. – 186 с.

Текст поступил в редакцию 15.03.2018.

¹ Полный текст «Обращения ...» см.: Исаев А.А. Научное наследие А.А. Тахо-Годи Книги, статьи, доклады, выступления, письма. Ч. 1. – Махачкала, 2006. – С. 53–54; Дибиров М.-К. История революции и Гражданской войны в Дагестане. – Махачкала, 1997. – С. 29–34.

References

1. Abdullaev M.A. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Dagestane v na-chale XX v.* [Social and Political Thought in Daghestan in Early 20th Century]. Moscow, 1987, 326 p. (in Russian).

2. *Rukopisnyy fond Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk* [Handwritten Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Research Center of the Russian Academy of Science]. Fund 2, inventory 1, file 53, fol. 20 (in Russian).
3. *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya* [Civil War and Military Intervention in the USSR]. Ed. by S.S. Kromov. Moscow, 1983, 703 p. (in Russian).
4. Dzhaifarov M. *Rukopisnyy fond Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk* [Handwritten Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Research Center of the Russian Academy of Science]. Fund 2, inventory 1, file 74, fol. 1 (in Russian).
5. Dibirow M.-K. *Istoriya revolyutsii i grazhdanskoy voyny v Dagestane* [History of Revolution and Civil War in Dagestan]. Ed. by A.-G.S. Gadzhiev, D.A. Dakhduev. Makhachkala, 1997, 134 p. (in Russian).
6. Donogo Khadzhi Murad. Akhul'go [Akhulgo]. 1999, no. 3, pp. 4–6 (in Russian).
7. Donogo Khadzhi Murad. *Nazhmuddin Gotsinskiy: Obshchestvenno-politicheskaya bor'ba v Dagestane v pervoy chetverti XX veka* [Nazhmuddin Gotsinsky: Social and Political Struggle in Dagestan in the First Quarter of the 20th Century]. Makhachkala, 2005, 397 p. (in Russian).
8. Isaev A.A. *Nauchnoe nasledie A.A. Takho-Godi. Knigi, stat'i, doklady, vystupleniya, pis'ma* [Scientific Heritage of A.A. Takho-Godi. Books, Papers, Reports, Speeches, Letters]. Makhachkala, 2006, 348 p. (in Russian).
9. Kashkaev B.O. *Grazhdanskaya voyna v Dagestane 1918–1920 gg.* [The Civil War of 1918–1920 in Dagestan]. Moscow, 1976, 294 p. (in Russian).
10. Kashkaev B.O. *Ot Fevralya k Oktyabryu* [From February to October]. Moscow, 1972, 365 p. (in Russian).
11. Magomedov Sh.M. *Oktyabr' na Tereke i v Dagestane* [October on the Terek and in Dagestan]. Makhachkala, 1965, 223 p. (in Russian).
12. Medzhidov YU.V., Abdullaev M.A. *Ali Kayaev. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Ali Kayaev. Essay on the Life and Works]. Makhachkala, 1993, 416 p. (in Russian).
13. Mukhtarov U. *Akhul'go* [Akhulgo]. November 1999, no. 3, pp. 18 (in Russian).
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. Fund 71, inventory 33, file 682, fol. 28 (in Russian).
15. *Soyuz Ob'edinyonnykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.), Gorskaya Respublika (1918–1920 gg.) (Dokumenty i materialy)* [The Association of the United Mountaineers of the Northern Caucasus and Dagestan (1917–1918), The Mountain Republic (1918–1920) (Documents and Data)]. Red. Kakaganov G.I., Gadzhiev A.-G.S., Asil'darov S.Ch., etc. Makhachkala, 1994, 439 p. (in Russian).
16. Sulaev I.Kh. *Musul'manskoe dukhovenstvo Dagestana i svetskaya vlast': bor'ba i sotrudnichestvo* [Dagestan Muslim Clergy and Secular Authorities: Struggle and Partnership]. Makhachkala, 2004, 185 p. (in Russian).
17. Sulaev I.Kh. *Molodyozh' Dagestana* [Dagestan Youth]. 24–30 March, 1995, no. 12 (in Russian).
18. Sulaev I.Kh. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Dagestan State University. The Humanities]. 1998, vol. 3, pp. 25–29 (in Russian).
19. Takho-Godi A.A. *Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Dagestane* [Revolution and Counterrevolution in Dagestan]. Makhachkala, 1927, 246 p. (in Russian).
20. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Fund 8-p, inventory 3, file 62, fols. 32, 51 (in Russian).
21. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Fund 8-p, inventory 4, file 25, fol. 4 (in Russian).
22. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Fund r-614, inventory 1, file 4, fols. 4, 5, 15 (in Russian).
23. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Dagestan* [Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Fund 8 p, inventory 3, file 61, fol. 23 (in Russian).
24. Emirov N.P. *Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Dagestane i bor'ba s germano-turetskimi interventami* [Establishment of the Soviet Power in Dagestan and Struggle with German and Turkish Interveners]. Moscow, 1949, 186 p. (in Russian).